

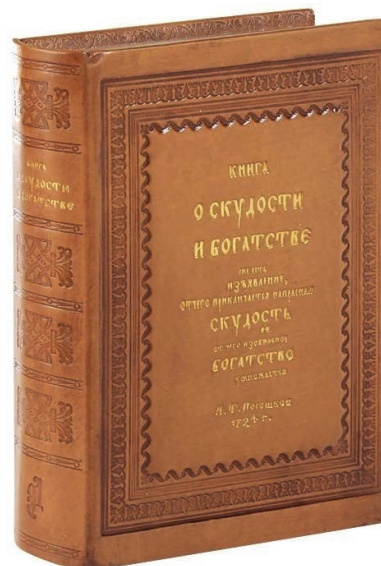
ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Памятники права

Иван Тихонович Посошков (1652—1726) — мыслитель, самоучка, сын зажиточного крестьянина — жил в эпоху Петра I. Судьба И. Т. Посошкова трагична — он был репрессирован и умер в Петропавловской тюрьме в 1726 г. Его основное сочинение — трактат «Книга о скудости и богатстве» — был написан в 1724 г. (опубликован только в 1842 г.). Его можно считать первым произведением российской общественной мысли, специально посвященным комплексному анализу социально-экономических проблем (в понимании того времени): торговле, сбору налогов, крепостничеству, регулированию денежного обращения и т.д.

В советское время, в 1951 г., книга была опубликована под общей редакцией Комиссии Академии наук СССР по изданию научно-популярной литературы под председательством академика С. И. Вавилова.

В настоящем выпуске журнала публикуется отрывок из этой книги.

И. Т. Посошков **Книга о скудости и богатстве¹** *(извлечение)*

Глава девятая. О царском интересе

В собрании царского сокровища надлежит прямо и здраво собирать, чтоб никаковой обиды ни на кого не навести, казну бы царскую собирать, а царства бы его не разорять.

Худой тот сбор, когда кто царю казну собирает, а людей разоряет, ибо если кто прямо государю своему тщится служить, то более собрания надлежит ему людей от разорения соблюдать, то оно собрание и споро, и прочно будет; ибо если охранения где не будет, трудно тут собирателю собирать.

Подобно тому, как утлого сосуда не можно наполнить, так и собрание казны, если собранного не будут блюсти, неспор тот сбор будет.

¹ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М. : Издательство Академии наук СССР, 1951.

Я то в 710 году, будучи в Новгороде, видел: на гостином дворе две палаты наполнены были конской сбруей и иными полковыми припасами и что там ни было, все то сгнило и пропало, и весь тот припас вырыли из палат лопатами и на сколько сот рублей того было, Бог весть.

И по такому небрежению чаю, что и во всех городах и во армиях от такова ж комиссарского недосмотра в припасах и в хлебных запасах казны много с сего света погибает.

На что сего ближе и страшнее, когда в Санкт-Петербург на корабельные дела готовят леса дубовые, а и тут пакости великие чинятся.

В прошлом 717 году ехал я Ладожским озером и видел: по берегам и по островам лежит дубовых лесов множество и в том числе есть такие брусья великие, что, чаю, иной брус рублей по сто стал и иной брус уже и замыло песком, иной чуть и виден из песка.

И чаю, что и по иным берегам и островам не без того те, и если оно и до ныне лежит, то много, чаю, и погнило. И по такому небрежению, Бог весть, сколько от такова небрежения казны погибает напрасно.

И то небрежение, хотя видится и велико, однако не такое, как от лесных заготовителей убыток происходит, ибо лесные заготовители великую и неисчислимую гибель чинят кораблям, понеже леса готовят гнилые. И если и один брус в коем корабле в причинном месте окажется гнилой, то корабль весь погубит, а есть ли в коем корабле десяток-другой гнилых брусков случится, то такова корабля и почитать кораблем нельзя.

Корабль добрый и здоровый подобен городу, а из гнилостного леса состроенный хуже хворостинного плетня. Плетень, хотя собою и некрепок, однако, когда военные люди будут в нем сидеть, то неприятель его даром не возьмет, а корабль, из дряблого дуба сделанный, и без бою от трясения водного пропадет и людей в себе и без неприятеля всех погубит.

На такое великое и нужное корабельное дело надобно бы выбирать лес самый добрый и здоровый зеленец. А кое дерево видится хотя и здорово, а от древности оно покраснело, и такова дерева отнюдь в корабельное строение не надлежит класть, того ради, что и оно непрочно. А которое дерево начало уже рассыпаться, то такое, кроме дров, никуда негодно.

А видел я в Санкт-Петербурге такие леса, привезенные к корабельному делу, что и расколоть прямо нельзя, но ломаются куском, а и тесать станешь, то и щепы не отщепишь, чтоб ей не разломиться надвое или трое. И такова дерева ни близко к корабельному делу не потребно привозить.

И, по моему мнению, в корабельном деле более огня гнилостного дерева подобает бояться, потому что корабль со всем убором станет, чаю, тысяч в сто, а и от небольших гнилостных деревьев весь пропадет и коя казна в нем ни будет, вся погибнет, к тому ж еще и людей в себе множество погубит. В корабельное дело дуб надлежит выбирать самый добрый зеленец, за добрым свидетельством и видом бы он просинь, а не красен был. И если из такова дуба корабль будет сделан, то он уподобится железному, ибо и пуля фюзейная не весьма его возьмет. Когда бо такой дуб засохнет, то пуля и полвершка не пробьет, а в красный дуб пуля далече уйдет, а гнилой и того глубже пробьет.

И того ради который корабль из такова здорового дуба сделан будет, то он гнилых лучше двадцати кораблей, понеже он, первое, что он пуль не весьма боится, второе, что от трясения волн не портится, третье, что он не гниет, но более от воды твердеет и может он жить лет пятьдесят или и больше. А из гнилого дерева сделанный корабль не переживет и пяти лет, и работа и казна вся, на него истраченная, даром пропадут.

И мне мнится, лучше корабли делать из здорового соснового леса, нежели из дряблого дуба. Дряблый дуб в сыром месте и пяти лет не переживет, но весь истлеет и пропадет.

Я, на денежном дворе будучи, ставил станы денежные, в коих деньги и монеты печатаются в больших стулах² дубовых. И были они только по половине стула вкопаны в землю, и те стулы в три года все пропали. И я две дубины здоровые соединил и станы в них поставил, то и доньше стоят не повреждены.

И вышеобъявленная в дубовых припасах делается пакость от недознания лесных управителей. А иноземцы, хотя и видят, что лес худ, да они о том не пекутся, но токмо о том пекутся, чтобы им сделать мастерски да деньги взять за работу со удовольствием, а добрый человек не стал бы из худого леса и делать.

Они, как художники, так и служивые, ничем же разнятся и торговые, более заботятся о своеземцах, нежели о нас. Я чаю, что и все европейские жители не рады нашим кораблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богателись, а мы б от них из рук глядели.

И о сем моем изъявлении, чаю, что будут на меня гневаться и, если уведают о мне, что не на похвалу им написал, всячески будут тщиться, како бы меня погубить.

Я их многократно видел, что они самолюбивы, а нам во всяком деле льстят да деньги выманивают, а нас всякими вымыслами пригоняют к скудости и бесславию.

² Стул (стуло) — стоячая подставка под что-то.

Когда Ц. В. состоялся указ, чтобы делать круглые деньги медные, то никто, ни из русских людей, ни из иноземцев, не сыскался такой человек, чтобы те инструменты к таковому делу соорудить, только иноземец Юрья Фробус³ брался добыть таковых мастеров из-за моря.

И я, видя в том деле промедление великое, вступил в то дикое дело и все то денежное дело установил. И я им, иноземцам, в том если и учинил пакость, однако мне вреда никакого не было, а ныне нельзя их не опасаться, понеже их множество, и за поносное на них слово не учинили бы мне какой пакости.

И о непотребном лесе, к корабельным делам привозимом, исправить невозможно, если нынешнего порядка в заготовлении лесном не изменить и штрафа на заготовителей и на отправителей не наложить.

И, по моему мнению, видится, надлежит учинить таким образом. Которые люди готовят тот припас в лесу, то повелеть бы секачам, войдя в лес, первое осмотреть дерево, на корню стоящее, здорово ли оно есть. И буде стоит оно весело и признака в нем к хворости никакой нет, то от земли сажень в двух или и выше вырубить иверень и тот иверень, высуша, освидетельствовать. И буде дерево здорово и зелено и к рубки крепко и к тесанью вязко, то свалить его с корня и тесать по образцу. И, вытесав, осмотреть его, все ли оно здорово, и буде нет в нем ни зяблины⁴, ни иного никакого признака хворобного, то заклеить его тому секачу. А кто у него примет, тому також де осмотреть его накрепко, нет ли в нем какова пороку, и будет по всему оно здорово, то и тому приемщику приложить на нем свое клеймо, а без клейма никакого дерева, ни доски к кораблям без клейма не отпускать.

А буде кое дерево с корня свалят и станут его тесать и тогда, если означится в нем зяблина или дряблина или к тесанию будет ломко, и такие деревья отдавать на бочки и на иные потребности, кроме корабельного дела, или те леса жечь на смолу. А буде на какую потребу такой выбранный лес и к корабельному украшению, кроме основательных дел, годен будет, то тот лес отпускать без клейма.

Подкрепление же об отправлении корабельных лесов учинить бы так: буде кое дерево корабельное великое или малое явится у корабельного дела в привозе нездоровое, и то дерево бросить не в чотку, а чье на нем клеймо, тому такое ж дерево одно или два за одно к корабельному делу на своих проторях поставить.

³ «Мастер золотого дела» в Золотой палате.

⁴ Растение, которое было повреждено морозом.

А секачей, кои тесали и, заклеив, отдали приемщику негодное, высечь батогами или кнутом, дабы впредь таких негодных дерев не рубили и не тесали.

И за таким штрафом впредь уже таких негодных дерев ни рубить, ни тесать не будут и к корабельным делам отпускать не станут.

А если зеленого дуба на корабельное дело набрать будет невозможно, то, мне мнится, не по что и тратить казны на дубовые леса, потому что плохой дуб ни малым чем не лучше сосны, а казны в них преизлишне идет много. Я чаю, что тою казною, сколько изойдет на корабль дубу, сосновых можно три иль и четыре сделать, а служить он лишь бы не лучше дубового стал. Дуб гнилой, когда напьется воды, то он подобен будет глине и на ходу вельми будет он тягостен, а сосновый и еловый гораздо будет легче, а и от трясения волн еловый лучше дряблого дуба устоит.

Я чаю, что многие люди будут о сем спорить, глаголя: «Никогда де сосне не быть крепостью против дуба». То и я того не спорю, что добрый и здоровый дуб зеленец в пятеро или в десятеро лучше сосны, а красный едва будет ли лучше, а который прогнивший, то тот хуже и ели.

Страшен мне сей глагол, что дерзнул о таком деле великом писать, но неистовая моя горячность понудила меня на сие дело. Бог мне свидетель, что не ради какова искания или прибытка желая себе, но токмо самой ради любви, которую имею к Его И. В. самодержавию, ибо я от юности своей был таков и лучше мне каковую пакость на себе понести, нежели, видя что бесполезно, умолчать. И что во изъявлении моем покажется невероятным, то может свидетельством или пробой разрешиться во всех девяти главах, более же всех свидетельств правдолюбивое сердце да рассудит все.

Еще же, будучи в Новгороде в 710 году, видел я, к тем же кораблям вьют канаты и вьют их из такой скаредной пеньки, что коя уже никуда не годится, и, свив, смолою засмолят, возят в Санкт-Петербург и отдают на корабли, и в таковых канатах верная погибель, а не надежда.

И ради таковой пакости, мнится мне, лучше в Адмиралтейство принимать канаты несмоленные, того несмоленного осмотреть, какова в нем пенька и сколько в ней кострики и здоровая ль она или гнилая, развив все, то можно познать, а в смоленном ничего того не узнать. И смолить бы их, уже освидетельствовав, то такие канаты будут надежны.

Канаты корабельные становые — дело великое и страшное, и делать их надлежит из самой доброй и здоровой пеньки, потому,

если канат надежен, то кораблю спасение, а если канат худ, то кораблю и людям в нем сущим явная гибель.

И буде и ныне канаты из такой же плохой пеньки делают, то не по что якорей и метать в воду, но лучше пускаться по ветру.

Еще же надлежит мне донести и о посошной работе. Которые присылаются с городов в Санкт-Петербург на трехмесячную работу, також де и во иные места придя, работают по три месяца, а работы их видеть невозможно и смотреть на ту их работу моркотно⁵, потому что гонят день к вечеру, а не работу к отделке.

А если бы и то исправить таковым порядком. Выбрать к тем делам правителей добрых, кои бы не алтынники были, и приказать им осматривать разумно и сметить, сколько на коей работе трехмесячные работники в бытность свою сделали. И новопришедшим работникам ту работу объявить и некоторую часть к тому и приложить, по делу смотря, и сказать им так: «Если такое число сделаете хотя в один месяц, то и отпущены с трехмесячной работы будете». А сделав урок, хотя на государеву ж работу наймутся, хотя и по мирским работам будут наниматься, а буде не похотят наниматься, то шли бы в дома свои.

И тем управителем сказать указ за жестоким штрафом и с наказанием, чтобы если в один месяц ту трехмесячную работу отработают, то ничего бы с них не брали, и не волоча их ни дня, и отпуск бы им чинили. И когда так уставится, то крепко можно надеяться, что многие будут трехмесячную работу в один месяц отрабатывать.

И кои работники урок свой отработают, хотя скорее месяца, а отпуска давать им трехмесячные, потому что они трехмесячную работу сработали. А если во отпуске трехмесячные работы не написать, то откуда они посланы, станут на них данных им денег спрашивать назад.

И буде и не все коего города работники, но отберутся артелью трехмесячную указанную им работу отделают, то ту артель и отпустили бы без задержания, и, на то смотря, будут и другие работники поспешать. А кои не похотят уроками делать, и те пусть все три месяца работают. И когда так устроится, то всякие дела поспешнее будут отправляться.

И если впредь так устроить, то всем работникам охотнее будет на работу ходить и дела будут отправляться поспешнее, потому что, отделав свой урок, будут хотя на той же работе из найма работать.

⁵ Противно.

И не токмо во одних черных работах надлежит учинить, но и в ремесленных делах как в русских, так и во иноземцах надобно такожде учинить, чтобы всякую работу давать им уроками ж.

А месячное им жалованье надлежит отставить и давать по результатам труда каждого их, так всякие дела скорее будут делаться.

Видел я в Оружейной палате: при сиденье Алексея Александровича Курбатова иноземец принес фүзею, к которой делал он деревянное ложе, гладкое, ни резей, ни костей в него не сажено, а делал он то ложе четыре месяца, а на всякий месяц шло тому иноземцу едва не выше ли десяти рублей.

А если бы отдать то ложе с договором, то взяли бы от него рубля полтора или бы и сорок алтын и сделали бы дня в два или в три, а не в четыре месяца. И Алексей Александрович вельми на него кричал и говорил: «Ложе де больше двух рублей не стоит, а вышло де оно близ шестидесяти рублей».

Иноземцы все не пекутся, чтоб им поскорее сделать, но паче о том пекутся, како бы им подоле протянуть; иноземцы все ни о чем так не пекутся, как о месячных деньгах.

А и в сборе царского интереса не весьма право делается, ибо покушаются с одного вола по две и по три кожи сдирать, а по истинной правде не могут ни единой кожи целой содрать и, как ни стараются, токмо лоскутья сдирают. И в том Ц. В. интересу повреждение чинится великое, понеже хотят излишнюю пошлину взять, да в том и истину всю истеряли.

Ибо по Торговому уставу, в котором городе товар какой скупается, то велено с крестьян пошлыны брать по пяти копеек с рубля, а кто скупает, то с тех велено явочных денег по пяти денег с рубля да отвозных по пяти ж денег с рубля, итого станет по гривне с рубля. И куда тот товар отвезут и продадут, то вновь с продажи берут по пяти копеек с рубля, итого станет по пяти алтын с рубля.

И ныне вместо тех пяти алтын с иных товаров не по деньге с рубля не сойдет, потому что многие покупают у себя на дому, а иные покупают, отъехав, в деревнях. И так первые пять копеек, кои бы надлежало взять с крестьянина, и пропадают, а тот купец продаст кому тайно ж, и то, и другие пять копеек пропадут, и тот второй купец, привезши в свой город тайно, в свою лавку или и по иным разложит. И так в мелкой продаже он завершится, то и третьи пять копеек пропадут.

А буде кто какова товара не может так тайно продать, то он возьмет выпись⁶ на свое имя, и кто у него купит, и тот по той чужой

⁶ Документ об уплате таможенной пошлыны.

выписи и повезет. И буде удастся продать беспошлинно, то ту выпись назад отвезут и как ни есть с тем бурмистром сладятся, да и выпись оземь. И того ради многие отпускных выписей и в книги не записывают.

А буде кто тайно товара своего продать не может, то токмо одну пошлину заплатит по пяти копеек с продажи, а та другая пропала.

А буде кто и тайно продаст, а откуда тот товар привезен, нельзя платежной выписи не явить, то возьмет он платежную выпись, где в малом городе или в селе, где тот товар никогда не бывал, и цену напишет малую. И с той малой цены возьмут у него по договору с рубля по две копейки, и с правдивой продажи едва и по копейки с рубля возьмется ли.

И так вместо многих разных пошлин пятикопеечных ни половины одной пятикопеечной пошлины не возьмется, но вместо пяти алтын едва возьмется ли и по копейки с рубля. И того ради нельзя и быть сборам пошлинным великими, потому что вся пошлина обманом пропадет.

И ныне многие вымышленники, желая сборы пополнить, вымыслили поземельные, подушные, хомутные, прикольные с судов водяных, посаженные, мостовые, пчелиные, банные, кожные и с подводчиков десятые и называют то собрание мелочным сбором⁷; однако не теми вредными сборами наполниться казна может, токмо людям беспокойство великое, мелочной сбор, мелок он есть.

Еще же к тем мелочным сборам приложили и иной сбор, который Ц. В. весьма неприличный. Такому великому монарху и на весь свет славному и великому императору собирают ему на нужные расходы со всякого сбора по деньге на рубль. И сей сбор более всех сборов моему мнению противен, понеже царь наш всесовершенный самодержец и не токмо от своих рабов, но и от иных своих соседей подвергнуться поношению быть не может. Он, наш государь, подобен Богу: что восхочет, может сотворить и казну свою может со излишеством наполнить, и никакая нужда денежная коснуться его не может.

По моему мнению, все вышепомянутые древнего Устава пошлинные многоплодные сборы и нововымышленные сборы мелочные отставить да уставить единый самый царственный праведный сбор, который до Христова воплощения уставленный, то есть десятинный, что взимать пошлины по гривне с рубля, а не по пяти алтын. И учинить бы тот сбор постоянный и недвижимый, никогда не нарушимый, чтоб со всякого товара взять

⁷ Имеются в виду многочисленные мелочные сборы, которых в царствование Петра I было введено около 40.

пошлину единожды по гривне с рубля и уже бы с того товара в другой ряд или в третий отнюдь бы ничего нигде никогда не взимать.

Если какой товар того года и не продается, но продается в другой год или в третий, то бы уже с того товара другого платежа с той цены, с коей прежде заплачено, никогда бы ничего не взимать.

И если так Бог устроит, то людям будет покойно, а Ц. В. собрания пошлинного, не могу надежно сказать втрое, и вдвое гораздо настоящего сбора будет больше.

Ныне от таких многих сборов люди приходят во оскудение, потому что сколько разных сборов есть, столько и бурмистров, и у всякого бурмистра целовальники и ходоки особливые и кои люди в службы выбраны, те уже от промыслов своих отбыли и кормятся теми ж государевыми сборными деньгами. И того ради никакие сборы и не споры, а люди все пропадают, те от множества служб, те ж за преступление крестного целования и чрез присягу делают неправду, деньги сборные крадут, тем себя и питают и ради клятвопреступления не спорятся им.

А когда службу свою отслужат, то приказные люди станут их считать да щипать и в том отчете год иль два проволочат и тою волокитою и до конца разоряют их.

И, мне мнится, лучше всяким служителем учинить указное определение, чем им питаться, дабы им в клятву не впадать и питаться бы благословенным кусом⁸. Також де и приказным людям надлежит указ же учинить, по чему с какова служителя взимать, дабы всякий человек своим благословенным кусом питался.

Сие, по моему мнению, вельми дурно, что бурмистров и целовальников выбрав в службу, да ко кресту принуждают и клятвами великими заклинаят, чтоб ни малого чего государева не коснулись, а выбирают в целовальники самых бедняков, то как ему по правде делать, что если ему не украсть, то и хлеба добыть ему негде. И так все в грех впадают, те служители от нужды касаются кражи, а другие ведают, что и первого дня без кражи не пробудут, а ко кресту принуждают.

А когда увидят, чье похищение, то пытаются и кнутом бьют, и дома их разоряют, а за преступление клятвы и на том свете будут мучиться. По моему мнению, буде за всеми служителями смотреть и наказание чинить им, то лучше клятву отставить, а буде клятвы отставить не можно, то наказание отставить и отдать его на Божий суд.

⁸ Установленная часть.

И если крестного целования не отставить, то надлежит у крестного целования спросить его с запискою, чем он у того дела будучи, будет питаться, может ли своим кормом прокормиться. **И** буде скажет, что прокормиться ему нечем, то определить его кормом, чтоб ему было чем питаться. **И** буде кто за определенным питанием сборных денег коснется, то уже жестоко надлежит его наказать. **И** того ради весьма потребно крестное целование и всю клятву уставленную отставить и учинить как бурмистрам, так и целовальникам указное хлебопитание.

И по всему сему лучше, мнится, крестное целование и клятву всю отставить и учинить одно наказание, ибо полно ему и того, что за вину свою на сем свете отмучиться, а на том свете будет уже от тамошнего мучения свободен.

В пошлинах, видится, вельми пристойнее с продаваемого товара взимать единойды, ибо и с вола едина кожа сдирается, подобно и наказание человеку за вину надлежит учинить едино ж, либо человецье либо Божие.

А о соляной продаже, мнится, не вельми ж дельно учинено, чтобы быть ей в продаже **Ц. В.**, но вельми пристойнее быть ей в свободном торге, а вместо продажной прибыли положить на всякий пуд, который пойдет в продажу, пошлыны по гривне на пуд, а не с денег. **И** где в какую цену ни купить, хотя где за алтын или и за грош пуд, однако взимать с нее по гривне с пуда или больше или меньше, по сколько **Его И. В.** повелит взимать с пуда.

И брать бы ту пошлину на корню, откуда она в развозку пойдет, то со всякой ладьи сойдет пошлыны по десяти тысяч рублей или и больше, також де и с бузуна⁹, и с поваренной. **И** где бы был ее пуд по копейке, а пошлину тем не менее взимать с пуда по определению установленному. **И** всякому купцу давать из таможи ярлыки свободные, чтоб ему не токмо в городах, но и в деревнях в русских и иноземских и зарубежных продавать свободно и пошлыны с нее нигде никакой не взимать. То тот сбор будет всегда цел, ни вода его не потопит, ни огонь пакость тому сбору не учинит, и буде где соль потонет иль сторит, а царской казне ни малого помешательства не учинит.

И если соли свободной торг будет, то многие тысячи людей будут от нее кормиться благословенным кусом, а не проклятым, понеже без кражи будут прямым своим трудом питаться. **И** если соль нынешнего и дешевле будет, однако многие люди и разбогатеют от нее и люди без соли страдать цингой и безвременно умирать не будут.

⁹ Соль, осевшая крупными кусками (в соляных озерах).

А ныне в деревнях такую нужду имеют, что многие и без соли едят и, заболев цингой, умирают. И от задержания соли во иных местах выше рубля пуд покупают, да и то не всегда есть, и от такого отсутствия соли напрасно люди помирают.

А если бы незапертая она была и был бы торг ей свободный, то нигде бы без соли не было, а в казну бы Его И. В. деньги бы шли чистые с тысячи пудов по сто рублей, а ни бурмистры, ни целовальники, ни надзиратели к той соли не надобны б были. Ни водяные суда, ни кладовые амбары, ни работники, ни проводники, ни канаты, ни якоря, ни иные какие припасы и подводы под нее не надобны б были, но одна бы таможня справила, и то токмо в тех городах, где ту соль купцы разнимать будут.

А где ее купцы вразвес продавать будут, то там ни малого сбора не надлежит с нее взимать и записки уже никакой ей не надобно, кроме той, откуда она добыта и в развоз повезена.

А наипаче там ее надлежит записывать на корню, где она сварена, там надлежит две записки иметь, едина выварная, а другая развозная, и о самосадке то ж чинить.

И торговые промышленники, купив ее, куда похотят, туда и повезут, и хотя где какая и потеря ей будет, то все их, а государев сбор всегда будет цел. А люди по-нынешнему от отсутствия соли болеть цингой и безвременно умирать не будут, потому что торговые люди по деревням сами возят и не токмо на деньги продают, но и на хлеб, и на скотину, и на всякую всячину меняют и в долг отдают.

А государевы купчины и бурмистры без денег ни на одну копейку не дадут, а то и не везде ее продают и кому купить ее, ехать верст сто и другое иль и больше. И того ради крестьяне, кои маломочны, все пропадают и ежели и многие от отсутствия соли помирают, да никто о том великому государю не доносит, а судьи хотя и ведают, да о том они не пекутся, чтоб люди все целы и здоровы были.

И в тех соляных сборах в бурмистрах и в целовальниках, и во управителях, и в работниках, и в надзирателях тысяч пять-шесть или и больше есть, а все они, будто черви, точат ту же соль и пищу себе приобретают от той ж соли.

А есть ли бы та соль в свободном торге была, то бы все те люди были промышленниками и питались бы от своих трудов.

И о сем можно и сосчитать, сколько от соляной продажи приходит прибыли и сколько на всякие расходы расхочется и за всеми расходами сколько чистых денег останется и сколько пудов весом в год ее в продажу исходит. И если со всей продажи обложить по гривне с пуда взимать пошлины, то по исчислении

пудов явно будет, сколько тех гривенных денег будет. Я чаю, что не меньше продажной прибыли будет, а волнений гораздо меньше будет, а люди сытнее будут.

И вышеявленный с соли пошлинный сбор и с прочих товаров по вышепредложенному порядку надлежит уставить уже неподвижным. Если бы брать пошлину всякую по вышеописанному на корню, то все те сборы справит одна таможня. И откуда какой товар кто бы ни станет привозить и по чему он будет тут на торгу куплен, или на дому у себя, или и в деревню отъехав, однако по-прежнему уже пошлины утаить нельзя будет, почему он ни купит, а пошлину даст полную, по гривне с рубля. И уже никаким образом отбыть от платежа невозможно будет, потому что без платежной выписи нельзя ему никуда того товара повести, того ради, что если без платежной выписи куда он ни поедет, то взят будет тот товар на великого государя бесповоротно. А буде кто и кроме таможенных бурмистров и целовальников, какой ни есть человек уведает, что везет кто товар какой без платежной выписи, и поймает его, то ему из того товара за поимку надлежит дать десятую долю.

И такова ради страхования никто, не объявив, своего товара никуда не повезет.

И когда кто товар будет ладить к отпуску, то где б он ни был куплен, то объявит его таможенному бурмистру. И бурмистру тот товар осмотреть лично и весь тот товар весом и счетом и с ценою написать в выпись подлинно, також де и у себя в закрепленную тетрадь записать подлинно ж, сколько коего товара и насколько ценою и сколько числом денег пошлинных с него взято. Також де и в выписи писать именно ж, сколько пошлинных денег взято, а по-прежнему отнюдь не писать, что взято по указу, но не токмо рубли и деньгу взятую писать именно, чтоб всякому взятию прямое известие было.

А если коему купцу в то время пошлины заплатить нечем, то в платеже взять поруку добрую и знатную и вместо записи руки поручителям прикладывать в закрепленной книге. И кто выпись возьмет под запискою, в той книге расписывались бы именами именно, а без записки и без расписки отнюдь бы не давали выписей.

И если какой купец при покупке своего товара пошлинных денег и не заплатит, однако в выписях того долга и доимок не писать, но писать, что пошлина взята только тем числом, а долги и доимки и поручителей в платеже писать у себя им в таможенных книгах или и заклад брать для того, чтоб по-прежнему пошлинных денег через обман не терять.

И, отпуская товар, кой можно пятнать¹⁰, то весь тот товар пере-
пятнать таможенным пятном. А буде кто соберет скота, быков иль коров,
то на всякой скотине на правом бедре выжигать цифирными словами число
рублям, сколько за какую скотину дано рублей, а сколько за рублями ко-
пеек лишку, то теми ж цифирными словами выжигать на правой лопатке.
А коя скотина куплена ниже рубля, то пятнать копейками и выжигать
також де на правой лопатке.

И у лошадей також де цену выжигать — рубли на правом
бедре, а копейки на правой лопатке.

И за таким порядком нельзя будет ни единой скотины, ни
лошади, не заплатив пошлины и не запятнав, ни продать, ни ку-
пить. И отпуская ту скотину, бурмистрам писать в книгу имен-
но, сколько какой скотины и коей что цена, а лошадям и годы
писать и приметы.

А если кто, накупив скота, погонит, не запятнав, то, хотя и с
выписью погонит, взять всю ту скотину на государя. И где ту
скотину запятнанную на городе или и в деревне продаст и что
возьмет сверх покупной цены, и с того перекупа взять пошлину
с рубля по гривне, а с покупной цены отнюдь не брать ничего.
И буде кто и купит и, купив, продаст иному, хотя вскоре или
года два-три и спустя, то брать пошлину с перекупа ж, а с пер-
вой плаченной цены отнюдь никогда не брать ничего.

И с тем товаром или со скотом в какой город приедут и пла-
тежную выпись объявят, и тем бурмистрам ту выпись и впи-
сать в закрепленную книгу подлинником и товар против выписи
осмотреть и, буде сходен, велеть продавать и, что возьмет сверх
покупной цены лишку, и с того перекупа брать пошлины по грив-
не с рубля. А буде по той же цене продаст, то не брать с него
ничего, токмо подьячему от записки дать копейку да от списка
две деньги дать.

А буде явится с веса товара у ста пудов лишка пуда два-три,
то с того излишнего товара взять пошлину по указу гривенную.
Також де и в мере, буде у ста мер явится к примеру меры две
иль три иль меньше и с того товара излишнего взять по гривне
ж с рубля.

А буде же привесу иль примеру иль прочету явится больше
трех мер, то взять на государя. А буде кто купит что тайным
обычаем беспошлинно, то у купца товар, а у продавца деньги,
кои он взял за неявленный товар, взять на государя да, ски-
нув рубаху, бить их обоих батогами нещадно и вину их, за что
биты, записать в книгу. И буде кто из них в другой ряд явится

¹⁰ Клеймить.

в такой же вине, то взять у купца товар, да штраф такое же число, сколько за товар дано, а у продавца деньги сугубо взять, да обоих кнутом бить по сколько ударов уложено будет.

А буде же продавец, продав беспошлинно, да принесет свою вину и объявит, что купец купил у него беспошлинный, ведая, то продавец свободен будет от вины, а у купца взять тот товар на великого государя со штрафом.

А буде же купец о том деле на продавца известит, то у продавца взять взятые деньги со штрафом, а купец свободен.

А буде ни купец, ни продавец не объявят, что у них торг сошелся тайно, а со стороны кто доведет на них, то потому ж взять деньги и товар со штрафом, а доводчику дать из того товара десятую долю, а продавцу и купцу наказание чинить вышеявленное, да на них же взыскать те деньги, что доводчику даны будут.

А буде кто, купив товар, или и свой домашний повезет на продажу, не записав в таможене и выписи не взяв и пошлины не заплатив, или пошлину и заплатил и выпись взял, а товар не запятнан или и запятнан, да не весь, то запятнанный продавать, а незапятнанный взять весь на государя.

И где на городе или в селе таможенные целовальники спросят выписи, а у него выписи нет или и есть, да товар или скот не запятнан, то тот товар, кой не записан или не запятнан, взять на великого государя бесповоротно и сколько его будет, записав, продавать охочим людям, а деньги записать в таможенный сбор.

А буде кои бурмистры или целовальники, видя товар какой или и хлеб какой везет без выписи или незапятнанный, а он не возмет того товара на государя, то на тех бурмистрах или на целовальниках взять штраф сугубый и наказание чинить сугубое ж.

А которые товары собираются к отпуску за море и в Китай и в иные зарубежные страны, то и с тех товаров також де пошлину брать по гривне ж с рубля на корню ж, откуда тому товару отпуск будет. И ту пошлину брать всю же сполна и выписи давать им платежные ж, чтоб и на порубежных торгах с той цены, с какой платил на корню, не брать бы ничего ж.

А когда кой товар сторгуют иноземцы во отвоз за море или и не за море, да за рубеж, то вместо всяких поборов взять пошлину отпускную с корабельных мачт по прежнему городскому окладу: по десяти рублей с дерева, с пеньки трепаной и со льна с берковца¹¹ по три рубля, со смолы и с сала по четыре рубля, с юфти берковца по пяти рублей или по чему можно положить, а с хлеба по рублю или по полтине с берковца ж. Також де и на прочие товары, что ни будет

¹¹ Мера веса (10 пудов).

разных материалов, по рассмотрению наложить за всякие мелочные поборы особливую отпускную пошлину, кроме той, что при подъеме того товара на корню платили с покупной цены. А с железа связного кроме настоящей пошлины, накладные не накладывать .

И по чему с какова товара обложено будет накладных пошлин взимать, то надлежит всем купецким людям объявить, чтобы они про ту накладную пошлину ведали и, торгуясь со иноземцами, прикладывали б ту накладную пошлину к истинной своей цене, чтобы им в том пошлинном платеже изъяна не было. А буде кто продаст товар свой без приставки той накладной пошлины, то та пошлина взыскана будет на продавце сполна.

Також де кои товары прежде сего иноземцы покупали в городах или токмо о цене с тамошними жителями договорились и с тех товаров по уставу брать настоящую пошлину с рубля по гривне при отпуске на корню ж сполна.

А с отпуску за море и за прочие рубежи накладную пошлину брать со всех товаров сполна ж по окладу без уменьшения неизменно. А буде кто русский человек или и иноземец каким вымыслом привезет из русских городов какой-нибудь товар без платежной выписи, то тот товар без всякой отговорки взять на него, великого государя, бесповоротно и продать охочим людям. А на нем за вину взять протаможье¹², такое ж число, чего тот товар стоит или как о том уложено будет.

А буде у кого от зарубежной продажи останется какова товара и похочет он тот товар продать русским людям, то взять с того товара токмо с перекупу, а накладные пошлины уже не брать. А буде, купив кто про себя, продаст иноземцам в отпуск за рубеж, то неотложно взять накладную пошлину по указу сполна сверх настоящей гривенной пошлины с продавца того, кой, купив про себя, продал за рубеж.

А буде кои и русские люди похотят какой-либо товар вести за рубеж сами, то и с тех товаров також де брать пошлину накладную неизменно сполна.

И питейной сбор, по моему мнению, весьма неисправно делается, и оттого царского интереса много тратится: первое, что бурмистры живут в тех службах непрочные, но на каждый год переменные, другое, что убор питейных покоев плох и питья держат самые плохие, третье, что цена питью одному обретается разная. Вину имя одно, а ценою продают разною, в том городе так, а в

¹² Одна из разновидностей так называемых «заповедей», торговая пошлина в средневековом русском государстве, которая выплачивалась за необъявление привезенного товара на таможене.

другом иначе и каждый город особливую цену имеет. Однако и та цена непостоянна, но на каждый год изменяют, а иное и дважды в год изменят, и это, стало быть, непостоянство.

Царь наш не купец, но самодержавный повелитель, как чему повелит быть, так и подобает тому быть неизменно и нисколько ни направо, ни налево неподвижно. Яко Бог всем светом владеет, так и царь в своем владении имеет власть, и по его царской власти надлежит всякой вещи быть постоянной и похвальной и чтоб, как мера везде равная, и цене подобает быть равной и никогда неизменной как в хлебном году, так и в недородном. И какова цена вину в бескормном месте, так подобает продавать и в самом хлебном месте, ни питья не изменять, ни меры, ни цены не нарушать, но иметь все ненарушимо.

А и бурмистры переменные весьма неправильно, потому, если коему бурмистру случится и не впервые на кабаке быть, то он буде и ведает, что ему надобно, однако справиться верно не может.

А кой бурмистр впервые сядет, то он везде потеряет, не знает, сколько чего ему надобно припасти, и купит все с передачей¹³, и где было найти, а он тут потеряет.

А если бы бурмистры были вековые, то бы нигде они не потеряли и лишку бы ни у какой покупки не передали, но всякие припасы покупали во время дешевизны. А мед кой год случится дешев, то мог бы он и на другой год или и на третий запасти. Також де и посуду, какая к тому делу потребна, припас бы ее во удобное время и ни у каких бы припасов лишку не передал бы, знал бы он, что куда ему надобно.

И для такова исправления надлежит в бурмистры выбирать людей не весьма богатых, но средней статьи, токмо разумных и правдолюбивых и в делах проворных и кои бы были не пьяницы и чтобы всем городом положить на них свидетельство, что они люди добрые и радетельные, и правдивые, и от управления их толк будет.

И, выбрав таковых людей, учинить им жалованье годовое и если сверх настоящего сбора неусыпным своим радением приберут излишнее, то за тот прибор дать ему сверх его оклада со всякого приборного рубля по гривне. И те деньги за излишний прибор по гривне с рубля вычитать им из своих сборов, и тот свой прибор именно записывали бы в книгу и что кому выйдет гривенных денег, записывали бы прямо. Також де буде и целовальник кой у отмерянного ему на продажу питья сверх продажной

¹³ Дать больше положенного.

цены принесет излишнее, и из того лишнего числа давать им за их раденье половину. И те излишние примерные деньги в настоящей книге записывать подлинно и что из них дано целовальникам тут же под статьей записывать неотложно.

И бурмистрам настоящее свое жалованье, кому каково положено будет, брать бы им по все годы самим из своих сборов и записывать в расходную книгу именно.

А буде им за жалованьем своим ходить за судьями и за расходниками по-нынешнему, то уже правде быть нельзя, для излишних расходов будут лгать.

И в таком управлении вельми питейные сборы будут споры, потому что ни у чего передачи не будет и потери излишней никакой не будет же и ничего он непрочно делать не будет и что им в жалованье дастся, возвратится с лихвою. Я чаю, что из одного припену¹⁴ выберут свое жалованье, а настоящие питейные деньги все будут целы и всякое дело будет у них спору и прочно.

Еще и от сего интереса Ц. В. гинет много, что помещики сбору казны Его И. В. не помогают, но еще и препятствие чинят. И в коих пристойных местах по Его И. В. указу велено кабаки построить и собирать бурмистрам и целовальникам питейную прибыль и где уже построены были, помещики их разорили и сборы остановили. Василий Дмитриевич Корчмин, хотя и добрый человек и великому государю верный слуга, однако и он в сем вельми погрешил, ибо в Волонецком погосте до его владения была питейная стойка построена и рублей по сто и больше на каждый год на ней собиралось, а ныне приказной его человек с питьем в ту стойку не пускает и в государевом погребе ставит свое питье и от того у великого государя рублей по сто и больше пропадает. А иные помещики и такие есть, что и целовальников бьют, и питье отнимают, и посуду разбивают, и по такому их озорству стали они быть государю своему противники, а не слуги. Чем было им государю своему радеть и в собрании казны чинить подмогу, а не остановку, то они бедные забыли, что самая истинная земля, коя и под ними самими, не его, но великого государя, а и сами они не свои, но его ж величества, а страха на себе ни малого не имеют. И такое препятствие чинится в мелких помещиках, а о сильных лицах и спрашивать нечего. Те и ногою ступить на ту землю, коя под его временным владением, с питьем государевым не пускают. И в больших своих вотчинах построены у них свои кабаки и называют их кваснями и под именем квасни продают явно пиво, а вино продают потаенно.

¹⁴ Прибыль.

А питейная прибыль — самый древний интерес Ц. В., а не помещичий. И если все совершенно у всех помещиков самовластно их отнять и во всех вотчинах по пристойным местам построить кабаки, то прибыли питейной тысяч по сотни или и больше в год прибудет.

А буде же по-прежнему Его И. В. указу вино дворянам курить запретить и клейменные кубы и котлы отставить, то чаю, что по двести или по триста тысяч рублей на каждой год прибудет у питейной продажи.

А если какой самый сильный человек будет просить, чтобы их квасни не разорять и торговать бы пивом им на себя, то повелеть года на два-три посадить за питьем верных целовальников или бурмистров и что они соберут, то впредь можно из наддачи и им на откуп отдать и брать с них откупные деньги по договору с торга, а чтобы по-прежнему самовольством им своим владеть отнюдь не давать, понеже под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время. Того ради царю и воля в ней большая и вековая, а им меньшая и временная и не токмо питейною продажею им самовольно владеть, но и землю без платы не можно им владеть. А буде кто похочет питьем владеть, тот да даст с питейной продажи откуп с вольного торга, понеже прибыль суть царского интереса, и того ради никому вступаться в нее не надлежит.

А дворяне и мелкие статьи многие, накурив вина, в деревнях своих продают, а иные, и в города привозя, продают и тем питейной сбор вельми повреждают. А если клеймень отставлено будет, то и продажи у дворян винной не будет.

А чаю, что не худо бы и таможенных бурмистров жалованных же учинить, то чаю, что и у них прибыльнее сборы будут. И всякое попечение положить уже на них, да на магистратов и на земских бурмистров, и чтоб земские бурмистры над всеми сборами надзирали и по окончании года они бы таможенных и питейных бурмистров и целовальников считали и расходы бы их все сличали, чтобы тем вековым бурмистрам по-нынешнему от приказных людей излишней турбации¹⁵ не было.

А целовальников земские бурмистры ко всяким сборам выбирали б погодно. И буде кой целовальник радетельным явится и в деле своем проворен будет, то и целовальника того можно жалованьем определить.

И если года три-четыре в целовальниках ревностно послужит, то уже может он и бурмистрскую службу служить.

¹⁵ Беспорядок.

И как что тем бурмистрам управлять надлежит, дать им пункты с полным расположением и о ведомостях определение учинить им прямое, без чего быть не можно, писать в ведомостях надобно, сколько в коем месяце собрано казны какой и сколько в расходе и сколько налицо.

А сколько от месяца в месяц оставшегося питья и что тому оставшемуся питью истинная или продажная цена, то самая излишняя турбация бурмистрам и прямому делу помешательство. И ныне и от недели в неделю пишут остатки и от того иного ничего нет, токмо питью в перемерках трата и писцам лишняя плата, а все идет из государевой ж казны.

По моему мнению, в ведомостях надлежит писать месячные одни перечни камерирам, чтоб им известно было, сколько в коем определении казны собрано и сколько в расходе и сколько налицо. И таковыми ведомостями можно управиться на трех строках, а не на трех листах.

А камерирам надлежит, те перечни собрав, отсылать ведение в Камер-коллегию и вместо ста ведомостей послать токмо одну ведомость на одном листе. И в таковых ведомостях яснее будет зреться, сколько где собрано и сколько в расходе и сколько налицо, то только три статьи нужно в ведомостях писать.